

ПРАВА БЕЗ СВОБОДЫ ИЛИ СВОБОДА БЕЗ ПРАВ: СТРАТЕГИИ МЕЖСОСЛОВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В КОНТЕКСТЕ РЕШЕНИЯ КРЕПОСТНОГО ВОПРОСА В РОССИИ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

LAW NO FREEDOM OR WITHOUT FREEDOM RIGHTS: STRATEGIC PARTNERSHIP BETWEEN THE SOCIAL GROUPS IN THE CONTEXT OF THE DECISIONS OF THE SERF QUESTION IN RUSSIA IN EARLY 19TH CENTURY

D. Timofeev

Annotation

The paper presents the results of a comparative analysis of the different strategies of behavior of the representatives of the nobility, the merchants and the peasantry in the conditions of existence of personal dependence of the peasants and the conventions of the right to property. Special attention is paid to the aspirations of persons not of noble origin to receive the right to purchase "land inhabited by peasants" and the illegal transfer of the right to control the peasants on the "veryuschim" letters.

Keywords: Social history, peasant question, projects the abolition of serfdom, the reforms in Russia of the XIX century.

Тимофеев Дмитрий Владимирович
Д.ист.н., вед. научный сотрудник,
Институт истории и археологии
УРО РАН, Екатеринбург

Аннотация

В статье представлены результаты сравнительного анализа различных стратегий поведения представителей дворянства, купечества и крестьянства в условиях существования личной зависимости крестьян и условности права на собственность. Особое внимание уделено стремлению лиц недворянского происхождения получить право приобретения "населенных земель" и незаконного управления крепостными по "верующим" письмам.

Ключевые слова:

Социальная история, крепостной вопрос, проекты отмены крепостного права, реформы в России XIX века.

Исследование исторического прошлого невозможно без обращения к вопросам социальной организации общества, соотношению различных по своему положению групп и характеру взаимодействия между ними. Множественная правовая и культурная дифференциация, существование различных социальных групп, границы между которыми могли быть обусловлены как традиционными представлениями о родовой собственности, богатстве, престиже, "степени просвещения", так и формально определены на уровне законодательства, неизбежно фрагментирует социальное пространство, обуславливая невозможность его описания посредством однолинейной, выстраиваемой только по какому-либо одному признаку, иерархически организованной схемой. Выход из сложившегося положения – исследование различных форм социальных взаимодействий на уровне определения моделей поведения индивидов по отношению к одной из наиболее значимых и актуальных проблем в конкретный исторический период времени.

В начале XIX в., на фоне заявлений верховной власти о необходимости распространения "просвещения", вос-

становления "силы закона" и поиска способов стимулирования развития российской экономики, одним из наиболее актуальных вопросов становится вопрос о законодательной регламентации "прав" и "свобод" для каждого "состояния" российских подданных. Такая регламентация предполагала не только описание границ и правил взаимодействия подданных с государством, но и наделение новыми правами представителей различных категорий населения. Проведенный анализ разнообразных по содержанию проектов и прошений, направляемых на имя императора, губернских властей или в министерство внутренних дел, показал, что одной из наиболее важных проблем была проблема расширения права наследования и приобретения недвижимого имущества [13, 15]. Определенным показателем актуальности этого вопроса для современников было издание указа 12 декабря 1801 г. "О предоставлении купечеству, мещанству и казенным поселянам права приобретать покупкою земли", в котором император объявлял: "...признали Мы нужным право приобретения... земель без крестьян, и владения всем тем, что на поверхности и в недрах их находится,

распространить на всех российских подданных, кроме тех, кои причислены к помещичьим владениям" [2, с. 863]. В качестве дополнительного разъяснения сущности права "собственности" для тех категорий населения, которые ранее не могли приобретать земельные участки 24 апреля 1802 г. был издан Сенатский указ "О неестественности людей свободного состояния и казенных крестьян в покупке земель, и в совершении на оных крепостей узаконенным порядком" [3, с. 123–124]. В нем подтверждалось, что право заключения сделок купли–продажи земли распространялось теперь не только на дворянство, купечество и мещанство, но в равной степени, на государственных крестьян и крестьян "отпущенных на волю от помещиков". Таким образом, власть заявляла о расширении круга лиц, которым было "дозволено" приобретать ненаселенные земли, но при этом недвусмысленно подчеркивало, что это "право" не является универсальным для всех объектов недвижимой собственности и распространяется не на все категории населения. Наличие упоминания об ограничении применения новой нормы в отношении частновладельческих крестьян, по сути, воспроизводило традиционную трактовку понятия "права" как "преимуществ" в рамках исторически сложившегося сословного деления российского общества [12, с. 129].

Однако уже через несколько лет после издания указа подобная трактовка начинает подвергаться сомнению. В общем виде, условно, можно констатировать формирование двух стратегий преодоления условности права собственности на землю и возможности использовать подневольную рабочую силу в лице крепостных крестьян и дворовых людей.

Первая стратегия проявлялась в стремлении представителей финансово состоятельных сословий, не имевших дворянского достоинства, упразднить существующие юридические ограничения и расширить право приобретения "населенных земель". Яркой иллюстрацией реализации такой стратегии является, например, прошение, удостоенных за особые заслуги "осьмиклассными чинами купцов", о предоставлении им "права владеть деревнями". Данное прошение стало инициативным документом для издания указа 18 октября 1804 г. [4, с. 544–549], а позднее – основанием для составления министром внутренних дел О.П. Козодавлевым всеподданнейшей записки и проекта "Общих правил, на основании коих лица, не имеющие Дворянского достоинства, могут приобретать покупкой в собственность деревни" (1810 г.) [10, л. 6–21].

Обосновывая необходимость расширения круга лиц, обладавших правом собственности на "населенные крестьянами земли", О.П. Козодавлев отмечал, что данная мера не только "ободрит земледелие как главный источник государственного богатства", но и будет способствовать "улучшению жребия поселенных в деревнях крестьян" [10, л. 6, 7, 9]. Распространение права собственности на уже освоенные земли, по мнению автора записки, мо-

жет стать мощным стимулом для привлечения свободных капиталов в сельское хозяйство и промышленность. Для достижения всех этих позитивных последствий "...нужно...право владеть заселенными землями или деревнями, распространить не на одно только сословие осьмиклассными чинами пожалованных купцов, но и на другие лица, не имеющие права дворянского, как то: на именитых граждан, купцов, и им подобных членов разных сословий государства" [10, л. 9]. В результате реализации новой нормы право собственности на землю становилось "универсальным правом всех "свободных состояний" российского общества, что, по логике автора, во-первых, соответствовало указу от 12 декабря 1801 г., а во-вторых, – основным положениям манифеста 20 февраля 1803 г, предоставившего "вольным хлебопашцам" "право" выкупать у помещиков земельные участки.

Однако расширение "права" приобретения населенных крестьянами земель при этом не предполагало упразднения крепостной зависимости, т.к. потомственные дворяне продолжали бы распоряжаться находящимися на территории их имений людьми. Обосновывая необходимость ограничения личной свободы крестьян, О.П. Козодавлев писал: "Запрещение крестьянам переходить от одного помещика к другому, хотя и есть без сомнения некоторое стеснение, но оно совсем не обращает нимало крестьян, живущих на купленной недворянином земле в крепость, и по политическим видам не токмо терпимо, но и сохраняемо к пользе государственной с некоторым ограничением быть может, поелику в таком государстве, которое еще не заселено, и в котором находятся множество пустых земель, оно ограждает общую безопасность, сохраняет тишину народную и утверждает собственность каждого во владении мирном и безмятежном" [10, л. 12]. Таким образом дарование права приобретения "населенных земель", по мнению автора, не разрушало бы исторически сложившегося порядка, но, в тоже время, способствовало бы смягчению положения крепостных крестьян.

Данное положение проекта очень важно для понимания особенностей мировосприятия автора и его современников. По мысли О.П. Козодавлева, при даровании новых прав лицам недворянского происхождения необходимо было согласовать их с уже установленными "преимуществами" российского дворянства и, одновременно, предусмотреть меры для недопущения злоупотреблений властью новыми помещиками. Предполагалось, что улучшение положения крестьян возможно посредством детальной юридической регламентации их взаимоотношений с землевладельцами.

По проекту помещик–недворянин обязан был заключить с крестьянами договор на срок не более 20 лет с возможностью, если обе стороны этого пожелают, последующего продления на определенный срок. В проекте О.П. Козодавлева специально подчеркивалась необходимость строгого соблюдения ранее установленной нормы, запрещавшей использовать крестьян на полевых угодьях

помещика более трех дней в неделю, и был предложен перечень основных сельскохозяйственных работ, которые крестьяне должны были выполнять в соответствии с коллективным договором. В случае необходимости все другие – дополнительные или срочные работы – крестьянин мог выполнять только по добровольному согласию и после заключения дополнительных письменных контрактов, подписываемых выборными представителями от крестьян и местным священником. [10, л. 15–17]. Кроме этого, в случае строительства на приобретенной помещиком-недворянином земле фабрики или завода, он возлагал на себя обязательство выплачивать работникам заработную плату, содержать хлебные магазины и "богачельни для увечных и престарелых" [10, л. 15–16, 19].

По мнению автора проекта, для поддержания хозяйственной деятельности в имении новый владелец получал бы право "главного сельского управления" и "наблюдения за нравственностью поселенных на его земле крестьян", но сам не мог осуществлять "разбор тяжб и споров между крестьянами", исполнять "домашние телесные наказания за неповиновение", назначать рекрутов и собирать государственные налоги. Все эти функции передавались "по примеру казенных селений, на мир и приказные избы". В качестве дополнительной меры, способствующей предотвращению своеволия помещиков, предлагалось ввести правило, в соответствии с которым содержание двустороннего договора должно было быть публично разъяснено крестьянам в присутствии чиновников Земского суда. Только после такой публичной процедуры ознакомления с новыми правами и обязанностями стороны должны были подписать три экземпляра договора, один из которых оставался на хранение в канцелярии земского суда [10, л. 20–21].

Теоретическим обоснованием ограничения "права" новых помещиков, по мнению автора, являлось принципиальное различие между общим для всех свободных состояний правом собственности на землю и "личным правом над крестьянами". Такое "личное право" принадлежит исключительно потомственному дворянству, но основано не на юридических нормах, а определяется морально-нравственными установками. Следует отметить, что подобная дифференциация "прав" на законодательно установленные и неформальные, "личные права", трактовалась современниками как исторически сложившаяся традиция, основанная на признании особой роли дворянства в процессе становления российского государства. В данном контексте предложение предоставить право собственности на населенные земли новым категориям российских подданных сопровождалось важной оговоркой о том, что исключительные права потомственного дворянина на владение крестьянами, не могут быть предметом купли-продажи, а следовательно "...недворянин приобретатель дворянского имения, чрез приобретение оно не становится дворянином, но должен пользоваться только тем правом, какое дает право собственности над имени-

ем, но не над человеком..." [10, л. 11].

Признавая исключительность и неимущественный характер "личных прав дворянина над крестьянином", О.П. Козодавлев подчеркивал, что продажа имения лицу недворянского происхождения влечет за собой не только прекращение отношений безусловного подчинения крестьянина своему помещику, но и становится основанием для появления у крестьян юридических "прав" и обязанностей, содержание которых четко определено в договоре между ними и новым землевладельцем. Именно поэтому имение, однажды приобретенное помещиком недворянского происхождения, даже в случае его последующей продажи потомственному дворянину, "...оставалось на том же праве, на каком оно было во владении недворянина". Такое правило, по словам автора, необходимо было, "...чтоб крестьян, воспользовавшихся уже однажды правом некоторой свободы, не лишать оной, связывая их новой неволей" [10, л. 13].

В данном контексте ключевым для понимания важных смысловых различий употребления понятия "право" при описании юридического положения "свободных состояний" и положения крестьянства, является словосочетание "право некоторой свободы". Условный характер такого "права" проявлялся в том, что крестьянин не мог без соответствующего письменного волеизъявления собственника имения перейти на другие земли или переселиться в город. Но при этом он рассматривался уже не просто как часть недвижимого имения, а как человек, чьи интересы должны защищать община и государство в лице чиновников казенного ведомства. В данном контексте сущность "права" крестьян, проживавших на территориях принадлежащих лицам недворянского происхождения, не означала появления у каждого крестьянина юридической возможности лично отстаивать свои интересы. По сути, речь шла не об индивидуальных правах, а праве коллективном, основанном на традициях крестьянского общинного самоуправления. При таком прочтении наделение крестьян "правами", но без предоставления личной свободы, по сути, означало укрепление патерналистских отношений между крестьянской общиной и представителями государства.

Однако, с точки зрения длительной исторической перспективы, удовлетворение прошения купечества в соответствии с правилами, предложенными О.П. Козодавлевым, могло бы привести к постепенному увеличению количества крестьян, находившихся на землях собственников недворянского происхождения на основании срочных договоров. Конечно, это не привело бы к отмене крепостной зависимости и наделению крестьян землей, но способствовало изменению взаимоотношений между землевладельцами и работниками, формированию в крестьянской среде представлений о содержании и возможности защиты своих гражданских прав. Косвенным подтверждением данного предположения могут быть многочисленные прошения государственных крестьян на "неправильное наделение их землей или незаконное ис-

пользование сельскохозяйственных угодий соседствующими с ними помещиками.

Одновременно с обозначенной стратегией формализации права обладания "населенными землями" лицами недворянского происхождения, прослеживается и вторая стратегия, направленная на преодоление условности права обладания недвижимой собственностью и крестьянами. Содержательно она проявлялась в стремлении представителей различных социальных групп, обладавших соответствующими финансовыми ресурсами, незаконно "присвоить" право распоряжения крепостными людьми.

На протяжении всего царствования императора Александра I стремление приобрести элементы чужого социального статуса предпринимали состоятельные купцы и так называемые "разночинцы", которые формально после издания указа 12 декабря 1801 г. имели право покупки лишь пустующих земель, но не могли владеть крепостными людьми [1, с. 29–51]. Для них использование труда крестьян и дворовых людей было, скорее всего, не столько инструментом получения прибыли, сколько наглядным показателем их состоятельности, своеобразной попыткой "сближения" с труднодостижимым статусом потомственного дворянина, главной привилегией которого было право обладания "крещеной собственностью".

На практике незаконная продажа крестьян лицам недворянского происхождения могла совершаться под прикрытием перехода крепостного в "услужение", "учение" или "на воспитание" по "верющим письмам". О распространении подобной практики свидетельствует направленный 27 мая 1808 г. от коллежского асессора Юферова государственному казначею Ф.А. Голубцову представления о необходимости существенно ограничить пребывание крепостных людей в услужении по верющим письмам сроком в 6 или 12 месяцев. Необходимость данной меры аргументировалась сугубо фискальными интересами казны, которая, по мнению Юферова, теряла значительные денежные средства из-за того, что помещики, отдавая своих крестьян по верющим письмам, не заключали крепостные акты, а следовательно, не платили соответствующие государственные пошлины. Ссылаясь на свой опыт работы, он свидетельствовал, что многие из тех, кто не имеет права обладания населенными землями нередко "владеют в пятых руках разными именьями и людьми по верющим письмам только". При этом Юферов с сожалением писал, что подобная схема использовалась представителями самых разных сословий, не исключая даже предприимчивых крестьян: "часто, купцы крестьянами и дворовыми людьми, и даже сии самые равными себе, и разные иных стран пришельцы во владении имеют крепостных без совершения крепостей" [9, л. 3, 3 об.].

Ярким примером длительного удержания крепостных людей по верющим письмам может служить дело статского советника А. Данилова, который 19 марта 1809 г. продал купцу Ф. Бродникову землю, а населявших её кре-

стьян отдал в управление по "верующему письму". В результате Ф. Бродников получил право налагать оброк и "собирать с крестьян всякие помещичьи выгоды", наказывать и отдавать их под суд, в рекруты или работы. Не спрашивая разрешения А. Данилова или его наследников, он мог продавать, закладывать и отпускать крестьян. Более того, бывший помещик дал письменное обязательство в том, что он не будет оспаривать любые распоряжения своею "доверителя", включая перепродажу имущества, или передачу во владение третьим лицам по аналогичному "верующему письму" [5, с. 568–570]. Таким образом купец Ф. Бродников, не имевший законного права обладания "населенными землями", становился фактическим собственником и земли, и крестьян.

Множество случаев нарушения установленными законом запрета владеть крепостными крестьянами лицам недворянского происхождения вызвало негативную реакцию власти. По указу от 23 октября 1816 г. помещикам было запрещено предоставлять по "верющим письмам" "...права на продажу или заклад вверяемого в управление их именья и крепостных людей", а также "отдавать на воспитание, или в учение крепостных помещичьих людей" на срок более пяти лет [6, с. 1056–1057]. На практике стремление некоторых купцов и разночинцев обладать крепостными было сильнее установленных государством запретов. Даже несмотря на угрозу наложения денежного штрафа в размере от 200 до 500 руб. и принудительное освобождение работников, незаконно отданных лицам недворянского происхождения в "услужение" или "учение" [7, с. 906–908], помещики и их "доверители" каждые пять лет составляли новые "прокормежные" и "плакатные паспорта", "верющие письма" или контракты на "учение крестьян". Яркой иллюстрацией реального положения дел может служить представление Пензенского Губернского правления, направленное в 1825 г. в Сенат: "...через производимые местными Полициями следствия открывается действительное жительство крепостных людей, даже и с семействами их, у разночинцев в течение многих лет, и распоряжение разночинцами сими людьми, свойственное одним только помещикам..." [8, с. 356].

В некоторых случаях, отданные "в услужение" или "учение" крестьяне находились в полной власти разночинцев или купцов несколько поколений подряд, полностью утрачивая какую бы то ни было связь с законным владельцем. Не имея достоверной информации о перепродаже от одного помещика к другому, или продлении срока пребывания в услужении по "верующему письму", некоторые из них подавали "прошения об отыскании свободы от рабства". Так, например, 7 февраля 1816 г. крестьянин Гаврила Шебалин подал прошение, в котором утверждал, что "...от рождения состоял во владении полковницы Мильгуновой, а от нее продажен, или по закладной, находился у Пензенского купца Федорова Попова в рабстве 15 лет, и оным продан княгини Шаховской крестьянину Павлу Пастухову, ...у коего находился с

семейством лет восемь..." [11, л. 5]. После многолетнего пребывания "в услужении" у лиц недворянского происхождения Г. Шебалин выказывал недовольство тем, что его и его семью передали помещику Яковкину, который "делает сильное семейству его изнурение, одевает хуже других своих людей" [11, л. 5]. Проведенное губернскими властями расследование выявило, что в действительности помещица Мильгунова продала крестьянина коллежскому советнику Яковкину, который, в свою очередь, отдал по "верующему письму" купцу Ф. Попову, а чрез несколько лет, потребовал возвратить крестьян в свое имение. Таким образом, формально, крепостных просто вернули законному владельцу. Однако, с позиции крестьянина, все, что произошло после передачи из владения помещицы Мельгуновой, свидетельствовало о пребывании его в "рабстве", а следовательно, давало ему право подать прошение об "отыскании свободы от рабства".

Все вышеизложенное позволяет констатировать отсутствие в России первой четверти XIX в. общего понимания необходимости и направления поиска вариантов решения крепостного вопроса практически во всех сословных группах. Одна часть российского дворянства стремилась всеми возможными способами сохранить право обладания крестьянами, подчеркивая патерналистский характер взаимоотношений между помещиком и крестьянином, представители другой – ориентирован-

ной за либеральные ценности группы – соглашаясь с тезисом о противоречии "рабства" нормам христианской морали и естественному стремлению личности к экономическому благосостоянию, разрабатывали различные проекты смягчения/отмены личной зависимости крепостных. При этом, одновременно с ними, были и те, кто, несмотря на установленные законом ограничения, отдавал своих крестьян лицам недворянского происхождения по различным доверительным письмам.

Не менее противоречивым были практические действия отдельных представителей купечества, мелкого чиновничества и даже предприимчивого крестьянства. Все они, с различной степенью интенсивности пытались, либо подвинуть власть на расширение юридических оснований для приобретения населенных земель, либо, используя пробелы в законодательстве, фактически, приобретали дворовых людей. Сами же крепостные крестьяне, в большинстве случаев, ожидали изменений в своем положении по "всемилодивейшему соизволению" императора и нередко предполагали, что освобождение от власти помещиков будет сопровождаться переводом их в разряд государственных крестьян [14]. Такое положение во многом определило нерешительность Александра I в проведении полномасштабных социальных преобразований, которые в большей или меньшей степени затронули бы интересы всех сословных групп российского общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Долгих А.Н. Вопрос о продаже людей без земли в политике российского самодержавия в 1820–х – начале 1830–х гг. // Вехи минувшего: ученые записки исторического факультета. Вып. 2. Липецк: Изд-во ЛГПУ, 2000. С. 29–51.
2. Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. Т. XXVI. СПб., 1830. № 20075.
3. Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. Т. XXVII. СПб., 1830. № 20244.
4. Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. Т. XXVIII. СПб., 1830. № 21481.
5. Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. Т. XXXI. СПб., 1830. № 24547.
6. Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. Т. XXXIII. № 26469. СПб., 1830.
7. Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. Т. XXXVIII, СПб., 1830. № 29416.
8. Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. Т. XL. СПб., 1830. № 30407.
9. Российский государственный исторический архив. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 591.
10. Российский государственный исторический архив. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 619.
11. Российский государственный исторический архив. Ф. 1553. Оп. 1. Д. 177.
12. Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. Ч. IV.: О–П. СПб.: тип. Императорской Академии Наук, 1822. 1536 стб.
13. Тимофеев Д.В. Варианты решения крепостного вопроса в России первой четверти XIX века: опыт сравнительного анализа "недозволенных речей", прошений и дворянских проектов // Петербургский исторический журнал. Исследования по российской и всеобщей истории. 2015. № 4 (08). С. 35–46.
14. Тимофеев Д.В. "Свобода" и "рабство" в крестьянских прошениях первой четверти XIX века // Вопросы истории. 2015. № 7. С. 79–90.
15. Тимофеев Д.В. Прошения и жалобы российских подданных первой четверти XIX в.: индивидуальные стратегии поведения в контексте процесса модернизации // Человек в условиях модернизации XVIII–XX вв.: сб. науч. ст. / ФГБУН Институт истории и археологии УрО РАН. Отв. редактор В.В. Алексеев. Екатеринбург, 2015. С. 113–118.